

ФОРМИРОВАНИЕ СОВЕТСКОЙ ПРАЗДНИЧНОЙ КУЛЬТУРЫ В БУРЯТ-МОНГОЛЬСКОЙ АССР¹

В статье затрагиваются вопросы зарождения новых советских праздников на территории нашей страны, а также их проведение в Бурят-Монгольской АССР в 1920-е гг. На материалах местной периодики автор показывает общегосударственный, централизованный характер новой обрядности и делает вывод, что она являлась важным элементом советской пропаганды, проводником новых ценностей и морали.

Ключевые слова: советские праздники; культура; обрядность; пропаганда; досуг; новый быт.

Soboleva Anastasiya Nikolaevna
 Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
 of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
 Ulan-Ude, Russian Federation

FORMATION OF THE SOVIET HOLIDAY CULTURE IN THE BURYAT-MONGOLIAN ASSR

The article deals with the questions of the origin of the new Soviet holidays in the territory of our country, as well as their celebrating in the Buryat-Mongolian ASSR in the 1920s. On materials of the local periodical press the author shows the nation-wide, centralized character of new ceremonialism and concludes that it was an important element of Soviet propaganda, a guide to new values and morals.

Keywords: The Soviet holidays; culture; ceremonialism; propaganda; leisure; new life.

После победы большевиков в Октябрьской революции 1917 г. в стране произошли существенные изменения, в том числе и в культуре. Советский лозунг «Отречемся от старого мира!» объявлял непримиримую войну всему тому, что олицетворялось с прошлым. На первых порах формирования новой советской культуры основными задачами стали ослабление влияния религии и церкви на массовое сознание, ликвидация царской праздничной системы и утверждение новых революционных праздников, призванных закрепить знаменательные даты в жизни молодого социалистического государства.

5 декабря 1918 г. в «Известиях ВЦИК» был опубликован перечень светских праздников, где в качестве обязательных выступали: Новый год (1 января), День памяти погибших 9 января 1905 г. (22 января), День свержения самодержавия (12 марта), День Парижской коммуны (18 марта), День I Интернационала (1 мая) и День пролетарской революции (7 ноября). Праздничные мероприятия, проводимые в Бурят-Монгольской АССР, практически не выходили за рамки установленного «праздничного образца», носили общегосударственный характер и также были нацелены на изменение сознания общества в определенном направлении.

Важно отметить, что отношение населения к новой праздничной культуре было далеко неоднозначным, потому что «старое в жизни людей поддерживалось со страшной силой – силой традиции, силой повседневности» [Лисавцев, 1966, с. 10]. В большей степени государство обеспечивало себе поддержку в этом направлении в лице молодежи. Именно эта часть населения, находящаяся в состоянии определения базовых жизненных ценностей, была готова к принятию разного рода нововведений. Исследователь А. И. Щербинин отмечает, что основные идеи, связанные с праздниками, были ясны молодому поколению. Молодые люди понимали, что праздник Октября – это «день рождения» Страны Советов. 1 мая – праздник нерушимой дружбы трудящихся всех народов. День Красной армии напоминал им о том, что каждый должен расти таким же храбрым и

любящим свою родину, как советские воины [Щербинин, 1998, с. 89–90]. Молодежь являлась полноправной частью на всевозможных играх, состязаниях, народных гуляньях. Нередко она выступала в качестве организатора данных мероприятий.

В 1920-е гг. важной частью советских праздников стали массовые праздничные шествия и митинги. Наиболее яркими и многочисленными они были в рамках Первомайских торжеств. Корреспонденты «Бурят-Монгольской правды» писали: «улицы города все эти дни бьются в предпраздничной суматохе, в экстазе торговли, в бурном и шумном гомоне криков... Окна учреждений – в портретах и лозунгах. Витрины магазинов – в пестрой рекламе, в грудах вин, закусок и украшений. Открывается митинг, под струнный оркестр стройно идут пионеры и комсомольцы» [Бурят-Монгольская правда, 1923, № 107, с. 4]. В то же самое время празднование Первомая можно считать актом антирелигиозной пропаганды, поскольку эта дата не случайно совпадала с Пасхой – важнейшим религиозным праздником. Комсомольская молодежь отмечала: «Старики нас спрашивали: «Нельзя ли достать десяточек крашенных яиц с портретам вождей и сырную Пасху с буквами КИ (Коммунистический интернационал), хоть так ее отметить, по-советски» [Бурят-Монгольская правда, 1924, № 107, с. 8]. Такое положение приводило не только к обострению борьбы с религиозными предрассудками, но и ставила перед новой властью дополнительную задачу отвлечения населения от участия в церковном празднике.

Советское государство, объявившее себя светским, старалось лишить церковь всех ее важных прерогатив – крестин, совершения церемонии бракосочетания, обрядов погребения и пр. Так, например, вместо крестин появились «октябрины». Новорожденных предлагалось нарекать не по святым, а новыми именами: Октябрина, Нинель (Ленин наоборот), Владлен, Сталина, Даздраперма, Рэм (революция, электрификация, мир) и др. Особо активная молодежь слагала частушки: «Мы по-

¹ Статья подготовлена в рамках государственного задания ФАНО России (проект XII.191.1.1 «Трансграничье России, Монголии и Китая: история, культура, современное общество», № АААА-А17-117021310269-9).

новому живем, / старь взрываем миною. / Сына Маем назовем, / а дочь Октябриною».

В феврале 1925 г. работниками печати г. Верхнеудинск были проведены первые в республике «октябрины» пяти новорожденных детей. Комсомольцы заранее развесили плакаты, оповещающие о «советском обряде введения в гражданство новых членов», поэтому желающих поприсутствовать на данном мероприятии собралось достаточно. «...Октябрины открылись торжественным заседанием. На сцене стройными рядами были выстроены: пионеры, комсомольцы, партийцы, профсоюзники. Матери передавали своих детей пионерам, затем комсомольцам, а те в свою очередь партии, партия – профсоюзу. Октябрят покрыли красным знаменем и вручили им членские книжки. Октябрины закончились общим пением интернационала...» [Бурят-Монгольская правда, 1925, № 45, с. 4].

Регистрация брака, фактов рождения и смерти стала проходить в государственных органах (ЗАГС). На смену церковным свадебным обрядам пришли «красные» комсомольские свадьбы. Молодых «венчал» секретарь комсомольской организации, вместо икон были портреты пролетарских вождей, а само празднование проходило на рабочих предприятиях («цеховые», «шахтерские» свадьбы).

Безусловно, внедрение «красных октябрин», «красных свадеб» и «красных похорон» в патриархальную деревню представляло собой более длительный и сложный процесс. Местный попы и уставщики призывали прихожан не давать детям «собачьих имен», называя это «бесовскими игрищами» [Бурят-Монгольская правда, 1925, № 101, с. 2], а про усопших говорили, что «не примет земля, разодетых в красные одежды, да венками красными обложенными. Неправильно это, не побожески как-то...» [Бурят-Монгольская правда, 1925, № 84, с. 3].

Некоторые праздники большевики пытались вводить специально для крестьян. Так, Крупская в 1923 г. опубликовала в газете «Правда» статью «Праздник урожая» [Тульцева, 1985, с. 42], который проводился 14 октября в день церковного праздника Покрова. В задачу праздника входила пропаганда более совершенных агротехнических методов ведения сельского хозяйства. В Бурят-Монгольской АССР нередко в некоторых селах и улусах во время засухи обращались к местным ламам и шаманам, чтобы те провели молебен. Поэтому по приглашению комсомольцев в местных клубах и избах-читальнях агрономы устраивали различные лекции и беседы, учили крестьянина бороться с засухой, саранчой и другими стихийными бедствиями. В этот день также происходило чествование отличившихся сельских тружеников, которые партийными руководителями ставились в пример другим. Например, в газете «Бурят-Монгольская правда» отмечалось: «День урожая в Вознесенске празднуется в первый раз. Но к нему подготовились как надо. Во дворе развешивается красный флаг. У крыльца, вблизи заваленки, стоят стол и скамьи. На столе красивыми рядами расположены местные культуры: хлебные семена, корнеплоды, десятка полтора по сельскому хозяйству. На праздник явились 40 человек. Перед началом торжества им объяснили значение празднования «Дня урожая». В час дня праздник открылся пением Интернационала. Затем шли доклады и беседы на темы: как получить хороший урожай, какие семена лучше использовать для посева, когда сеять гречиху, о картофеле и пр. В беседах делились опытом выращивания различных культур. Крестьяне с большим

интересом слушали сообщения и принимали участие в беседах. Далее декламировались стихи на урожайные темы» [Бурят-Монгольская правда, 1926, № 244, с. 2].

Постепенно население республики стало понимать советские праздники и праздновать их чаще, чем церковные. Так, например, общим собранием рабочих и служащих первой Верхнеудинской госмельницы в 1924 г. было единогласно решено вместо Пасхи праздновать майские дни [Бурят-Монгольская правда, 1924, № 94, с. 4]. А в январе 1925 г. заключенные Центрального дома лишения свободы г. Верхнеудинск отказались от хлеба, переданного Спасской общиной при местном Троицком соборе в честь празднования Рождества Христова. Однако полного отказа от церковных праздников не произошло.

Новым советским революционным праздником стал день рождения Красной Армии. В советской историографии официальной точкой зрения является, что именно 23 февраля 1918 г. председатель Совета Народных Комиссаров В. И. Ленин подписал указ об образовании Красной Армии. Впервые этот праздник был отпразднован в 1919 г. и сопровождался большими митингами в театрах и на заводах. В последующие годы празднование годовщины Красной Армии было тесно связано со смотром боеспособности страны. В 1928 г. страна праздновала десятую годовщину. Не стала исключением и Бурят-Монгольская АССР. «В это день город еще спал, а мальчишки уже облепили крыши домов. В 10 ч. утра площадь Революции оделась в тугие колонны воинских частей и профсоюзных организаций. Команда: «Смирно». Гомон смолк. Правительство принимает парад. У главной трибуны бурятскому кавдивизиону преподносят красное знамя. Стройно маршируют ровные колонны пехоты, легкой рысцой проскочила кавалерия, бешеным галопом юркнули пулеметчики. Еще долго гремит в воздухе отрывистое эхо «Ура» [Бурят-Монгольская правда, 1928, № 44, с. 4].

Международным праздником, связанным с борьбой женщин за свои права, являлся день 8 марта. В России впервые этот день был отпразднован работницами Москвы и Петербурга в 1917 г. После этот праздник стал ежегодно отмечаться различными заседаниями митингами, собраниями. Корреспонденты с мест докладывали: «прошли торжественные заседания, вечера женщины, ставились спектакли, крестьянки демонстрировали свои достижения, выпускались стенгазеты, написанные делегатками, организовывались чаепития и устраивались игры и развлечения для женщин. Взрослые женщины, нигде раньше не участвующие, сначала озирались с недоверием на женские торжества, а после втягивались в различные игры» [Бурят-Монгольская правда, 1928, № 80, с. 3].

Самым ярким и активно насаждаемым праздником Советской России был праздник Великой Октябрьской революции. Решением СНК от 2 декабря 1918 г. датой его проведения стал день 7 ноября. С 1927 г. правительство постановило отмечать праздник Октября в течение двух дней – 7 и 8 ноября. Празднование носило масштабный характер. С особым размахом проходило празднование десятой годовщины (1927 г.) Октябрьской революции. В г. Верхнеудинск 7 ноября уже с самого утра улица Ленина была заполнена живым потоком праздничной толпы. Колонны с развивающимися знаменами двигались на площадь Революции: синеглазники в шлемах и беретах, на которых отмечены годовщины 1917–1927, декорированный автопаравоз «Октябрь – 10», школьники, пионеры, профсоюзники, беспартийная молодежь и т.д. После приветственных речей

партии и правительства церемонным маршем колонны двинулись на закладку Дома Советов. Вечером состоялся праздничный карнавал с разноцветными огнями и гирляндами [Бурят-Монгольская правда, 1927, № 254, с. 3]. Празднование Октябрьских торжеств имело целью привлечь внимание населения к новым понятиям «советская власть», «мировая революция» и укоренить их в сознании трудящихся масс.

Таким образом, Октябрьская революция привела к изменениям в традиционной праздничной культуре.

Усилия большевиков в 1920-е гг. были направлены на формирование «красного календаря». Советским праздникам и обрядам отводилась роль проводника новых ценностей и морали. Вызывая сильное эмоциональное переживание, они стали одним из самых эффективных способов массовой агитации и пропаганды, а намеренное противопоставление церковных и советских праздников преследовало цель консолидации вокруг новой идеологии и символики.

Литература

- Восьмое марта входит в быт // Бурят-монгольская правда. 1928. 7 апр. № 80.
День урожая // Бурят-Монгольская правда. 1926. 29 окт. № 244.
Десять лет Красной Армии // Бурят-Монгольская правда. 1928. 23 февр. № 44.
Крепим новый быт // Бурят-Монгольская правда. 1924. 26 апр. № 94.
Крепим новый быт // Бурят-Монгольская правда. 1925. 25 февр. № 45.
Лисавцев Э. И. Новые советские традиции. М., 1966. 166 с.
Новый быт // Бурят-Монгольская правда. 1925. 14 апр. № 84. С. 3.
Поповий дурман // Бурят-Монгольская правда. 1925. 8 мая. № 101.
Праздничный город // Бурят-Монгольская правда. 1924. 1 мая. № 107.
Празднование Первомая // Бурят-Монгольская правда. 1923. 1 мая. № 107.
Соболева А. Н. Участие молодежи БМАССР в модернизационных процессах 1920–1930-гг. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2014. 184 с.
Тульцева Л. А. Современные праздники и обряды народов СССР. М., 1985. 191 с.
Шаповалов С. Н. Генезис советских государственных праздников на Кубани в 1918–1930-е гг. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2012. 125 с.
Щербинин А. И. Тоталитарная индоктринация: у истоков системы. Политические праздники и игры // Полис. 1998. № 5. С. 89–90.